

Содержание

Часть первая	11
Часть вторая	153
Часть третья.....	339
Часть четвертая	397
Часть пятая	455

*Моему сыну Гасу Николсу,
Дэвиду Николсу, Лиз Шарп,
Мэтту де Гармо, Энн Касвелл,
Питеру Селгину, Энни Николс, Роджеру Саллоку
Ричарду Подольски, Бриджит Конвей,
Биллу и Джен Конрадам*

Когда толпа заметила убийц в сопровождении дорожных патрульных в синей униформе, она замолчала, как будто изумленная их воплощением в человеческом облике.

— Трумен Капоте,
«Хладнокровное убийство»

Трое мальчишек катались на скейтбордах по Честнат-стрит, пока не сгустились сумерки. Уличные фонари слабо засветились в бездонном мраке, окутавшем Гранитную гавань под навесом холма Мон-Мегантик. Фарватерные буи переливались зеленым и красным в темноте залива Пенобскот.

Мальчишки кричали и визжали, летя по невидимым кочкам и впадинам. В эти часы между школой и домом время растягивалось, как эластичная лента, и можно было не думать о том, как меняется жизнь, как давят учителя, как ругаются родители и с какой беспощадностью кончается детство.

Осенний туман сменился холодным дождем. Спины и капюшоны толстовок быстро потемнели.

— Чуваки, — сказал Джаред, разворачивая скейт, — я насквозь промок. Поехали ко мне.

— Я есть хочу, — ответил Итан.

— У меня есть «Горячие кармашки»*, — заверил Джаред.

— Давайте еще немного покатаемся, — попросил Шейн, запрыгнул на доску и покатил к перекрестку Лимерок-стрит.

Они родились с разницей в несколько дней. Их матери познакомились в родильном отделении Медицинского центра Мидкоуста. С годами их пути разошлись — кто-то пережил развод, кто-то овдовел, кто-то переехал в другой район, — но мальчишки, и взрослея, оставались неразлучными. Правда, теперь, когда они уже стали подростками, их характеры менялись, и не всегда похоже. В последнее время Шейн полюбил гулять допоздна.

— В темноте круче, — сказал он. — Давайте прокатимся по Илм-стрит, а потом к тебе.

— Бро, ну ты чего? — возмутился Итан. — Это же...

Его слова унес резкий порыв ветра, покачнувший большой дуб на углу Честнат-стрит, и они потонули в звуках, похожих на шум прибоя.

— Шейн...

Мальчишки с трудом могли видеть его силуэт в туманном воздухе. Порыв ветра утих, и фигура Шейна исчезла во мраке под темным контуром Мон-Мегантик. Слышен был только грохот его скейтборда.

На секунду они увидели лицо Шейна, освещенное пламенем, — он закурил сигарету.

* Аналог шаурмы.

— Чуваки... я останусь тут. День уж очень хорош.

Двое других мальчишек рассмеялись. Итан крикнул:

— Мы пошли к Джареду.

Вспыхнул свет фар. Ребята отошли на обочину, чтобы пропустить машину.

Фары пикапа высветили их лица, когда машина замедлила ход и свернула на Лимерок-стрит. Водитель видел, как они щурились, отводили глаза и отворачивались, когда он проезжал мимо.

Он проехал мимо третьего мальчика.

Двое сошли со скейтбордов и остановились на углу. Третий медленно уплыл прочь.

Они расходились.

Водитель убрал ногу с педали газа и поехал по инерции.

Его грузовик, слегка потрепанный темно-синий «Форд», был таким же, как многие другие грузовики во многих других городах штата Мэн. Зимой он прицепил к передней части машины снегоочиститель, чтобы ездить в любое время. Парковался, ел сэндвичи, потягивал кофе и наблюдал за проходившими мимо людьми. Узнавал их распорядок дня, то, с кем они проводили время.

Остановка — и вот он уже был не в кабине грузовика. Он сидел на корточках рядом с дрожащей, стонущей собакой над мутным бурым каналом Флориды. Картинка сменилась... Он лежал на спине, а маленькая блондинка раскачивалась на

нем туда-сюда, как на лошадке-качалке... Он был прижат к земле, а мальчики и девочки стояли над ним, расставив ноги... Он бродил по лесу с Иваном-Мастером... Висящий на крючке койот звал его по имени... Он чувствовал во рту горький привкус желчи...

Химические нейротрансмиттеры вспыхнули в его мозгу.

Дождь снова забарабанил по крыше. Дворники защелкали туда-сюда.

Он свернул направо на Юнион-стрит. Ускорился до сорока миль в час, когда дорога пошла под уклон, потом снова сбавил скорость и свернул обратно на Илм-стрит. Увидев шесть высоких домов, вновь вернулся на перекресток в конце Честнат-стрит.

Он остановился и огляделся. На дороге никого не было. В такую ночь все жители города сидели дома, готовили ужин и смотрели телевизор.

Он повернул направо и медленно поехал вверх по холму.

Два мальчика на скейтбордах вновь появились впереди. Он пронесся мимо. Его фары осветили их сквозь дождь, и им вновь пришлось опустить и отвести глаза.

Он знал, что свет фар — это все, что они увидят. Они не запомнят грузовик.

Он снова свернул на Лимерок-стрит. И перед знаком «стоп» подъехал к третьему мальчику.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Воздух был холодным, и дыхание Изабель вылетало облаком пара. Был октябрь, но возможностей купить новую печь у нее было не больше, чем в августе, когда старая приказала долго жить. Она отбросила эту мысль, как пуховое одеяло, прыгнула с кровати, включила обогреватель в ванной и спустилась вниз, чтобы выпустить собаку.

Поднявшись наверх, где не было горячей воды, она протерла раковину тряпкой. И начала одеваться.

Свой костюм она приготовила накануне вечером. Роджер Пристли дал ей фотокопию иллюстрации, где были подписаны предметы одежды и порядок расположения слоев: сперва льняная рубашка (поверх ее собственных хлопчатобумажных трусов и спортивного бюстгалтера от L. L. Bean), следом шерстяные чулки крупной вязки, нижняя юбка, к которой пристегивались карманы из грубой

мешковины, свисая из-под верхних слоев, как пустое вымя, затем лиф со шнуровкой спереди, плотное домотканое шерстяное платье, фартук, накидка и льняной чепчик, напоминающий растянутую купальную шапочку. И наконец, эти ужасные туфли, похожие на черные ортопедические сабо с большой декоративной пряжкой — настоящие пиратские туфли из какого-то диснеевского мультфильма. Все это было куплено для нее в театральном магазине костюмов в Бостоне.

Боже мой, думала Изабель, глядя на почтенную Ханну Суэйн в высокое зеркало спальни. Бедная женщина! Доить коров, рубить дрова, кормить детей, сбивать масло, резать свиней, кур и бог знает кого еще, готовить на открытом огне и ублажать мужа... в этом наряде?

Ну, по крайней мере ей было тепло.

Итан еще спал, когда она проходила мимо его спальни и поднималась по узкой лестнице, шурша своими объемистыми одеждами так, будто тащила за собой брезентовую палатку. Когда она открыла дверь, чтобы впустить собаку обратно, Флинн залаял на нее и отступил назад.

— Тихо, Флинн! Заходи.

Пес осторожно приблизился, обогнул Изабель, посмотрел на нее и зарычал.

— Ш-ш-ш! Это всего лишь я. А теперь ложись в свою кровать, — указала она псу на место.

Флинн, вспыльчивая австралийская овчарка, с трудом переносил перемены и сюрпризы. Он пробрался к своей лежанке в углу кухни и лег.

Теперь в доме воцарилась тишина. Даже печь в подвале и та не грохотала. Изабель и не замечала шума, пока он не прекратился. Полнейшее отсутствие криков — вот что стало особенностью домашнего обучения Итана. Их утренние перепалки, вызванные необходимостью загонять его в школу, сменились этой необыкновенной утренней тишиной. Итана больше не тошнило от стресса, как раньше, когда он плелся к автобусу с донельзя перегруженным рюкзаком. Ей нужно было понять это пять лет назад. Или, может быть, с самого начала. Он и так все знал. И ему нужно было строить корабли.

Взяв сумку, она вышла из кухни.

Девушка за окошком автокафе и глазом не моргнула при виде чепчика, лифа, объемного платья и фартука женщины за рулем. Изабель чувствовала себя так, будто едет на хэллоуинскую вечеринку.

Сделав глоток латте, она глубоко, от души выдохнула, вновь ощутив облегчение оттого, что Итан больше не ходит в школу. Хорошо, что и она больше туда не ходила. Какое-то время она работала учителем, пока ей до смерти не надоело заставлять учеников зубрить предписанные факты, даты, биографии, готовить их к тестам, внушать, что образование состоит из механического повторения учебных программ. Попытки заставить

Итана сделать домашнее задание, повторение всех утомительных объяснений только расстраивали его, злили, а в последнее время и вовсе вызывали тошноту. Все школьники, каких она знала, были встревожены, подавлены, приближались к глубокой депрессии или уже ей страдали. Половине выписывали стандартный рецепт: «Золофт» или «Риталин».

«Они должны больше бывать на открытом воздухе! — кричал голос в ее голове каждый раз, когда она видела ребят, уткнувшихся в телефоны в школе, по дороге в школу, после школы, дома. Они должны ходить в лес! Купаться! Строить, ломать! Копать канавы! Лазить по деревьям, падать с них!

С ней были согласны еще несколько учителей и родителей. Остальные доброжелательно говорили Изабель, что проблема в ней самой: у нее выгорание. Советовали заняться йогой, цигун, отказаться от глютенa. Перестать скорбеть, начать новые отношения. Она все это перепробовала.

Для нее стало облегчением, когда из школы ее уволили. После этого были четыре года работы редактором журнала «Пенобскот-Бэй», которые текли мирно и скучно, но окупались прилично, пока журнал не закрыли. И наконец, год, когда она просыпалась в ледяных предрассветных сумерках, чтобы приготовить закваску, так что она недолго размышляла, прежде чем уволиться из пекарни «Красный амбар» и, по настоянию Нэнси, присоединиться к команде Поселения живой истории.

Платили еще меньше, чем в пекарне, но — там весело! Во всяком случае, так обещала Нэнси. Исторические костюмы! Садоводство! Разведение костров! Физический труд! Работа с людьми, которые хотят услышать то, что ты им расскажешь! И ты сможешь вернуться в прошлое!

Она потягивала латте, еще не остывший — до нового места назначения было недалеко. В двух милях к северу от города она замедлила ход и повернула к указателю «Поселение живой истории Гранитной гавани».

Роджер рассказал ей об истории этого места, древней и современной. Где-то в семидесятых, выбравшись на пикник, несколько ребят нашли полузакопанные старые инструменты, осколки керамики и цветное стекло на гравийном берегу ручья, бежавшего через болота к каменистому пляжу в двух милях к северу от Гранитной гавани. Кафедра археологии Университета штата Мэн датировала находки началом семнадцатого века. При последующих раскопках обнаружили ржавые части запорных механизмов, грубо сложенные каменные стены и гниющие полузакопанные бревна — все это походило на остатки хижин, построенных ранними европейскими поселенцами на территории, которая тогда еще была частью колонии Массачусетского залива.

Среди многих историй колонизации этой части побережья штата Мэн затерялся один-единственный абзац о высадке здесь в 1643 году корабля

из Уэрхема, Англия. Группа английских колонистов основала, а затем по неизвестным причинам покинула небольшое поселение.

После того как были вывезены небольшие законные артефакты, в восьмидесятых раскопки прекратились. Группа инвесторов решила возвести над обломками аналог изначального поселения. Они построили четыре небольших бревенчатых домика с гонтовыми крышами, кузницу, обнесли все это по периметру частоколом, устроили сувенирный магазин, автостоянку и взимали плату за вход. На роли поселенцев были наняты местные актеры — пенсионеры, историки, перегоревшие школьные учителя. Они одевались в костюмы горожан семнадцатого века и общались с посетителями. Поселение живой истории Гранитной гавани, действующее как некоммерческое предприятие, стало популярной достопримечательностью побережья. Сюда приезжали туристы и школьники, беседовали с поселенцами, расспрашивая об их повседневной жизни.

Изабель пыталась представить себе почтенную Ханну Суэйн, роль которой должна была исполнять. Скучные записи, в которых перечислялись владельцы скота в 1649 году, указывали, что ей тридцать два, а ее мужу Сэмюэлу Суэйну — тридцать шесть.

Больше ничего о Ханне известно не было — были ли у них с Сэмюэлом дети, любила ли она своего мужа, веселой она была или мрачной и почему супруги Суэйн решили покинуть Англию ради сомнительных радостей Нового Света. От

них остались только два имени, затерянных среди страниц истории. Они вели борьбу за жизнь здесь, в устье этой реки, до того как в какой-то неизвестный момент поселение не было заброшено.

Изабель Дорр было сорок два — на десять лет больше, чем Ханне. Она пережила нервный срыв и, хотя пыталась справиться с помощью проверенных средств — наркотиков, алкоголя, йоги, буддизма, — впала в глубокую депрессию после того, как ее муж Джошуа Дорр одиннадцать лет назад пропал без вести во время парусной гонки в Англии. Не было ни тела, ни свидетелей, ни похорон, и Изабель не смогла смириться с утратой. Она не прошла положенные пять стадий горя, а застряла в колее между отрицанием и гневом.

Она страдала трихолломанией — то, что началось как глупая детская привычка, после исчезновения Джошуа переросло в полномасштабное расстройство, и она не могла перестать выдергивать волосы пальцами, как пинцетом. Когда у Итана начался переходный возраст, все стало еще хуже, и над ее ушами появились залысины. В конце концов она срезала волосы до трех миллиметров, чтобы за них нельзя было зацепиться пальцами, и стала носить прическу как у Шинейд О'Коннор*. Некоторые друзья говорили, что она

* Шинейд О'Коннор (1966–2023) — ирландская вокалистка, композитор и актриса. Стриглась почти наголо, поскольку считала нужным привлекать внимание к своему творчеству, а не спекулировать на красоте.

выглядит классно и сексапильно. Она носила все головные уборы, какие носят люди, проходящие химиотерапию: и клоши, и бини, и вязанные шапки, и закрученные на макушке тюрбаны, а в тех редких случаях, когда хотела выглядеть классно и сексапильно или когда была дома одна, не носила вообще ничего. При росте в сто семьдесят пять сантиметров и стройной фигуре она выглядела в джинсах просто потрясающе, как говорили ей друзья. Когда она могла найти время, она занималась йогой с Кэти Маккинон в Маунтин-Холле, а каждое утро на рассвете гуляла с Флинном две мили до Колдервуд-Пойнт и обратно. Над губами у нее уже начали проступать вертикальные морщины, и лицо тяжелело, но в хорошие дни ей казалось, что она все-таки держится — что бы это ни значило.

И, по всей видимости, дела у нее шли лучше, чем у Ханны. Судя по тому, что она читала о первых колониальных поселенцах, они страдали от голода и часто умирали раньше срока. Неизвестно, сколько прожила Ханна, но, доживя до тридцати двух лет, она уже преодолела отметку того, что тогда считалось средним возрастом. Изабель представила себе Ханну: ее обветренную кожу, шрамы, располневшие и потрескавшиеся руки, грязные, сломанные ногти. Ее волосы, которые, если она их не выдергивала, несомненно, поределели от постоянного стресса и плохого питания, потускнели от плохого мытья и начали сесть. Ее